

Норштейн, Ю.
художник-мультипликатор

Камертон

15 сентября Юрию Норштейну исполняется 60

Александр БАКШИ

Вот уже десять лет, как у меня сложился определенный ритуал: начиная новый проект, я рассказываю о нем Юрию Норштейну. Как оркестранты перед концертом настраиваются по камертону, так и я перед любой работой настраиваюсь по Норштейну. Если одобрит — вперед, если отнесется скептически — не стоит и браться.

Все оттого, что Юрию Норштейну дан абсолютный художественный вкус, слух и глазомер. Я не могу сказать, что он что-то понимает в музыке, но он понимает в идеях, системе образов, в том, что гораздо важнее, чем технология. Если критикует — то точными, подчас злыми, но всегда очень справедливыми словами. Я не знаю более требовательного и вместе с тем более доброго человека.

Прежде всего он ценит искусство, а уже потом различает людей. У нас ведь как обычно бывает? Не люблю я этого режиссера или композитора, такой он разный, пятый-десятый, а оттого и творчество его мне не нравится. Мы чаще оцениваем репутацию автора, а не его творения. Норштейн не таков.

В наш век профессионалов он — не профессионал. Он — Мастер. Работа для Норштейна не отделена от жизни, он постоянно существует в мастерской, сделанной собственными руками. Он вообще все делает руками. Недавно в мастерской появился компьютер, но в кино он его не пускает. Когда я говорю: «С помощью компьютера можно сильно сэкономить время» — он отвечает: «Ну-ну, наверное, можно» — и продолжает делать по-своему. Иначе ему не интересно.

Мне кажется, Норштейн — последний из могокан социалистической культуры. Именно социализм породил тип художника-аристократа, не заботящегося о деньгах и плюющего на все сроки. Главное — качество. Таковыми были Ойстрах и Рихтер. Таков Норштейн. В последнее время подобных людей остается все меньше, их сменили профессионалы. А при всем уважении к профессионалам, они поставили творчество на поток, уподобили его конвейерному производству. Открытый при этом не предполагается.

В советскую эпоху от художника ждали откровений и пророчеств. А он, в свою очередь, жил под грузом ответственности перед обществом. В этом смысле Норштейн — художник из советской эпохи, совершенно не вписывающийся в современную действительность. Десятисекундный эпизод, который промелькнет — не заметишь, он готов переделывать бесчисленное число раз. Неудивительно, что он бесконечно долго корпел над заставкой к «Спокойной ночи, малыши». Потому что чувствовал необыкновенную ответственность: этот ролик повлияет на формирование вкуса миллионов

детей. И оттого, что уверен: любую работу надо делать хорошо.

Норштейн много преподает. В России, в Японии, в Швеции. Его ученики получают международные призы, среди них есть даже лауреат «Оскара». Известно, что далеко не все ученики почитают учителей, многие спешат избавиться от их влияния, но Норштейна любят искренне. Студенты рассказывали, как однажды устроили ему экзамен. На лекции Норштейн показывал композицию кадра, для чего в

не забуду их реакции на «Шинель»: прекрасные актеры, они понимали, что так, как играют мультишные персонажи, сыграть невозможно, и умирали от зависти. Леонтьев изучал «Шинель», когда готовился играть Чичикова из «Нумера в гостинице города NN».

Снимает Норштейн медленно. Мультипликация сродни изготовлению лаковых шкатулок, она предполагает ювелирную работу. А полнометражный фильм — всегда архитектура.

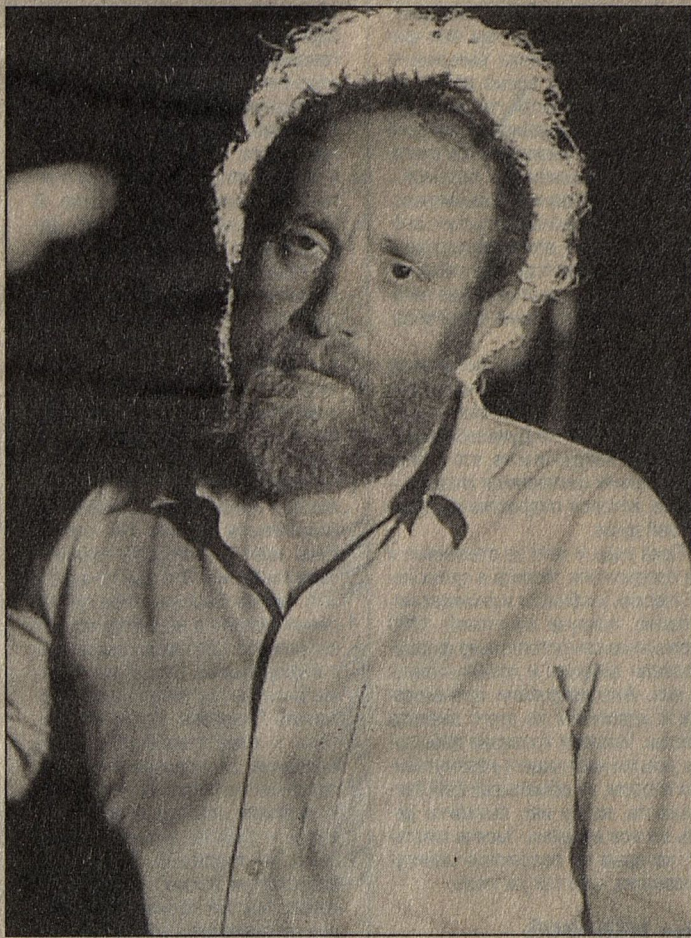

Фото из архива «ОГ»

определенном порядке расставил на столе множество фигурок. Когда мастер отвернулся, студенты передвинули на пару миллиметров одну из них, в полной уверенности, что заметить это невозможно. А Норштейн, вернувшись к столу, сразу спросил, кто это сделал? И вернул фигурку на прежнее место. Такую же проверку, только музыкальную, в свое время устраивали Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу.

Однажды Норштейн сказал, что режиссер — это человек, завоевывающий художественное пространство чужими силами. Более откровенного определения режиссуры я не знаю. А еще он постоянно повторяет, какой он жестокий, какой страшный в работе, требовательный и капризный. В этом я с ним иногда соглашаюсь.

Мы познакомились в конце 80-х, когда Норштейн пришел послушать мой концерт в музей Вадима Сидура. Он тогда был еще абсолютно рыжим и выделялся среди всех ярким пятном. С тех пор мы часто встречаемся в его студии, которая, по сути, его дом. Иногда я привожу друзей: Костю Райкина, Женю Миронова, Гарика Леонтьева. Никогда

Никто и никогда не пытался возводить здание с ювелирной лупой на лбу. А Норштейн снимает большой фильм по Гоголю, состоящий из нескольких частей, и это адова работа. Я стал композитором «Шинели» после смерти Михаила Мееровича, с которым Норштейн сделал несколько фильмов. Наши музыкальные стили так разнятся, что их даже невозможно сравнивать, поэтому меня потрясло, когда привыкший к Мееровичу Норштейн принял все мои идеи. Впрочем, до партитуры дело еще не дошло.

Норштейн постоянно недоволен: собой, оператором, художником. Он стремится к совершенству и требует его от других. Так что никто не знает, сколько еще продлится съемки. Но это не важно. Даже незаконченная «Шинель» — фильм гениальный, на все времена. А для меня главное, что он дает нам повод встречаться. Я получаю громадное удовольствие от нашего общения, от того, что имею некоторое отношение к его работе.

Записала
Юнна ЧУПРИНИНА